

УДК 165+303.01

В. И. Медведев, А. Э. Назиров

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЗНАНИЯ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Знание начинает цениться в первую очередь за его практическую полезность после промышленной революции XVIII в. Технологическая модель знания становится доминирующей в естествознании и переносится на гуманитарные науки. Представители натуралистической линии настаивают на том, что познание человека и общества должно вести к совершенствованию методов управления. В статье делается попытка показать, что специфика субъектно-объектных отношений в науках о человеке такова, что полное воплощение в них технологической модели знания невозможно. Это предполагало бы разделение общества на две несообщающиеся части – одна изучала бы другую и совершенствовала методы манипулирования ею, а другую нужно было бы лишить доступа к знаниям о себе. То, что изучают науки о человеке и обществе не внешний внеположный нам объект. Цель гуманитарного познания – не объяснить других, а лучше понять самих себя.

Технологическая модель знания, гуманитарное познание, натурализм и антинатурализм, субъектно-объектные отношения

Технологическая модель знания предполагает его ориентацию на успешное практическое действие. Знание должно быть нацелено на возможное практическое применение, на некоторую технологию: познаем, чтобы использовать в своих интересах. Такое отношение к знанию глубоко укоренено в идеологии современной научно-технической цивилизации, и другое отношение кажется современному человеку странным и нерациональным. Проявлением такого отношения является, например, тот факт, что в автореферате любой диссертации в нашей стране, в его вводной части, должна быть обязательно расписана практическая значимость выполненного исследования. Причем, это касается не только диссертаций по техническим наукам, где такой подход выглядит абсолютно естественным и обоснованным. О практической значимости своих исследований должны писать и претендующие на ученую степень историки, философы и культурологи. Правда, довольно часто представители гуманитарных дисциплин указывают в качестве практической значимости возможность использовать материалы и выводы диссертации в преподавании тех или иных учебных дисциплин. Это, конечно, компромиссный вариант, поскольку по идее под практической значимостью подразумевается иное – возможность использовать результаты исследований в практической деятельности по преобразованию окружающего мира. Ожидание от науки результатов, которые имеют практическое значение в таком прямом и непосредственном смысле, сегодня глубоко укоренилось в массовом сознании. Можно часто слышать сетования на то, что ученые занимаются всякой ерундой, которая не имеет никакого отношения к жизни большинства людей и ничего в ней не изменит.

Между тем такое отношение к знанию вовсе не является обычным и само собой разумеющимся для всех эпох и цивилизаций. Его не было в цивилизациях Древнего Востока. Даже в истории европейской цивилизации оно на протяжении долгого времени было другим, т. е. и в Европе оно не было исходным и преобладающим. Подобное отношение к знанию начинает утверждаться со времени научной революции XVII в. Окончательно и

бесповоротно оно становится «само собой разумеющимся», наверное, только после промышленной революции XVIII в. В Древней Греции знание ценилось само по себе, а вовсе не за его практическую применимость и значимость. Греки были уверены, что стремление к истине заложено в природе человека, что познание истины и является его предназначением. Это убеждение выражено, в частности, в первой фразе «Метафизики» Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию» [1, с. 65]. По крайней мере, такова природа *свободного* человека. А остальные и не заслуживают внимания. Греки презрительно относились к практическим занятиям, считая, что тот, кто стремится к практическим целям, – раб (раб по духу, даже если он свободен). Свободный человек должен стремиться к Истине, Добру, Красоте (именно так – с большой буквы).

Следствием такого отношения были характерные особенности древнегреческой науки. Историки отмечают, что она почти не оказывала влияния на жизнь греков, а воздействовала, скорее, на духовную культуру. Достижения науки почти не применялись в производстве, ведь в условиях рабства особой заинтересованности в облегчении труда и повышении его эффективности не было. Изобретением всяких полезных машин (в первую очередь военных) прославился Архимед. Тем не менее, его биографы пишут, что главный его интерес лежал в области теоретической математики, а создание машин было, скорее, забавой – именно так описывали эти эпизоды современники. Уместно вспомнить и историю (анекдот?) про Фалеса, который однажды решил продемонстрировать своим согражданам практические возможности науки. На основе своих астрономических рассуждений он предсказал небывалый урожай маслин, скупил все маслодельни и разбогател. Причем это было сделано в ответ на насмешки этих сограждан, когда, наблюдая ночью звезды, Фалес свалился в яму и не мог выбраться из нее без посторонней помощи.

Отношение к знанию в Древней Греции проявлялось и в том, какие его области развивались наиболее успешно. Это в первую очередь теоретическая математика и натурфилософия. Основным научным достижением греков считается евклидова геометрия. Она не имела практической (технологической) ориентации. Способы вычисления площадей и т. п. не составляли ее главного содержания, но вплоть до конца XVII в. Евклидова геометрия считалась образцом «настоящей» науки из-за своей строго дедуктивной формы. Аксиомы, из которых совершенно однозначно и строго выводятся теоремы служили идеалом и образцом для подражания вплоть до Ньютона. Понятно, откуда подобная строгость проистекала. Аксиомы и теоремы геометрии относятся не к реальным, а к идеализированным объектам. Мир чисел и геометрических фигур для греков – это вообще идеальный мир, идущий еще от Пифагора и Платона. С одной стороны, с этим во многом связан высокий престиж и статус математических занятий у греков. В своей иерархии видов знания Платон помещал математическое знание сразу после философии. С другой стороны, такой подход имел своим последствием то, что греки не умели применять математику в исследовании природы. Она оставалась для них именно знанием об идеальном мире чисел и фигур.

При этом высшим знанием для греков была философия, и думается, именно потому, что она не имеет непосредственной практической направленности. В философии мы стремимся к истине как раз ради самой истины. Это и есть то, что, по мнению греков, достойно свободного человека. Заостряя вопрос, можно сказать, что философия для греков – это высшее знание, потому что самое бесполезное (конечно, преувеличение, но они не сомневались в пользе философии. Только эта польза другая, она не является практической в «низком» смысле этого слова).

Технологическая ориентация не была присуща и средневековой европейской науке. Здесь знание природы ценилось в первую очередь за то, что оно приближало человека к пониманию замысла Творца. Отдельные исследования, конечно, могли иметь практическую направленность. Например, Р. Бэкон интересовался усовершенствованием очков, и с этой целью занимался оптикой, но в целом знание не для этого. Известно, что средневековое ремесло практически не взаимодействовало с тогдашней наукой. Техника ручного труда вообще развивалась на базе практического личного опыта и обыденных знаний. Можно вспомнить алхимию. Вроде бы перед ней стояла вполне практическая цель – найти способ превращения металлов в золото. Однако и эта цель была лишь конкретизацией другой, гораздо более абстрактной и непрактичной. Общей целью алхимии было преображение окружающего мира, приведение его в более совершенное состояние. Средневековое мышление во всем видело иерархию и стремилось расположить все по ступеням совершенства. В рамках такого мировоззрения формировались и представления о более конкретных задачах алхимии.

Идея практического предназначения знания выходит на первый план в эпоху научной революции Нового времени. «Знание – сила» – эти слова Ф. Бэкона выразили новое отношение к знанию и новые ожидания, которые теперь связываются с развитием науки. Причем, Бэкон употребляет английское слово *power*, которое означает не только «силу», но и «власть». Знание – основа практического могущества человека, его власти над природой. Подчиним себе природу, превратим ее в служанку – к этому призывала идеология новоевропейской науки. В более поздние времена ее агрессивный характер подчеркивали критики научно-технической цивилизации. Лидером нового естествознания была механика, которая имела на первый взгляд теоретическую направленность. Но М. Хайдеггер справедливо писал, что новая наука изначально не была нейтральной, она представляет природу как «поддающуюся расчету систему сил» [2, с. 230]. Уже в этом ее практическая ориентация. Ее можно найти в самых фундаментальных убеждениях науки того времени, в общих принципах, на которых строится картина мира как механизма. При этом нужно иметь в виду, что сравнение мира с механизмом вошло в моду еще во времена, когда самих механизмов было еще очень мало, когда познания в области механики еще не успели дать непосредственных практических результатов. Применительно к науке XVII в. можно говорить о ее практической ориентации в принципиальном смысле, в смысле общей тенденции. Эта тенденция получила воплощение в конкретных достижениях лишь в ходе промышленной революции. А отдельные ученые XVII в. и позже могли считать себя бескорыстными служителями истины. Говорят, что И. Ньютон рассмеялся всего один раз в жизни. Это произошло, когда один из его друзей спросил, какую практическую пользу можно извлечь из изучения евклидовой геометрии [3, с. 840]. Видимо, сама такая постановка вопроса, сам подход к познанию с точки зрения практической пользы показался великому ученому нелепым и смехотворным. Его интересовали «принципы натуральной философии», а не практическое применение его теории, которая тем не менее давала множество практически значимых результатов.

Промышленная революция реализовала практический потенциал новой науки. Переход к машинному производству коренным образом изменил отношения науки и техники: технологии машинного производства потребовали уже систематического использования в производстве научных знаний. Наука превращается в непосредственную производительную силу. Этот процесс анализировал в том числе К. Маркс. Можно вспомнить его знаменитые фразы про технику как «овеществленную силу знания», про то, что машины – «это

созданные человеческой рукой органы человеческого мозга» и т. п. [4, с. 215] Это все хорошо известно. Для рассматриваемой темы важно, что эти процессы оказывали воздействие на самосознание возникавших в это же время гуманитарных наук. Психология и социология отделяются от философии в течение XIX в. С самого начала в них идут споры об их природе и специфике как наук. И модель технологического знания, пришедшая из естествознания, становится одним из возможных ориентиров и в науках о человеке.

В XIX в. формируются две основные линии в трактовке гуманитарного познания – натуралистическая и антинатуралистическая. Натуралистическая линия идет от О. Конта. Представители этой линии отрицают какие-либо серьезные отличия гуманитарных наук от естественных. По Конту, науки о человеке и обществе просто отстали в своем развитии от естествознания, а чтобы его догнать, должны как можно скорее перенять методы, принесшие успехи в изучении природы. Социальные явления – наиболее сложные и зависящие от других, их исследование совершенствовалось медленнее. При их изучении необходимо от теологических и метафизических методов перейти к социальной физике [5, с. 10–11]. Он формулировал задачи науки так: видеть, чтобы предвидеть, чтобы действовать. Конт, как известно, придумал слово «социология», и его часто считают основоположником этой дисциплины. Он представлял ее как «позитивную» науку об обществе, которая будет на основе наблюдения выявлять регулярные связи между социальными явлениями и давать на основе этого практические (технологические) рекомендации.

Распространение технологической модели знания на гуманитарные науки характерно и для других представителей натуралистической линии. Из социологов конца XIX – начала XX в. можно вспомнить В. Парето. Он считал, что в науках о человеке необходимо применять логико-экспериментальный метод, такой же, как в естествознании. Технологический потенциал социологии раскрывается в его теории элит. Те, в ком преобладает стремление к рациональному познанию, управляют и манипулируют теми, в ком преобладают чувства. Изучение людей помогает поэтому манипулировать ими. Технологическая модель социального познания представлена в работах Парето весьма откровенно и цинично. Важное значение у него имеет понятие «производных». Так он называет интеллектуальные системы маскировки реальных чувств, которые являются двигателями поведения масс, способы сокрытия людьми действительного характера их действий. Производные (т. е. идеологии) ловко используют многозначные термины с неопределенным значением, чтобы придавать видимость рациональности иррациональным чувствам и стремлениям [6, с. 190, 219–233, 256]. Все что угодно может подразумеваться под такими понятиями, как «свобода», «справедливость», или «порядок». Умело жонглирующий ими вождь-циник, способен использовать чувства и настроения масс в своих целях.

Наиболее последовательно проводилась идея технологической ориентации гуманитарного знания в бихевиоризме. Один из его главных представителей – Б. Скиннер (он был и психологом, и социологом) – прямо использовал термин «технология поведения» и призывал к ее разработке [7]. Это было связано с радикальным натурализмом и эмпиризмом данного течения. Скиннер, как известно, настаивал на том, что нужно отказаться от объяснения человеческого поведения со ссылкой на всякие ненаблюдаемые «ментальные» сущности вроде «идей», «намерений» и т. п. Нужно изучать то, что наблюдаемо – т. е. поведение и то, как оно обуславливается реакцией окружения. Такой подход и должен позволить, на его взгляд, разработать технологию поведения. Последняя, как надеялся Скиннер, позволит предсказывать и рассчитывать рост народонаселения с такой же надежностью, как мы рассчитываем и прокладываем путь космического корабля [7, с. 31–32].

В философии идея технологической ориентации гуманитарного познания поддерживалась представителями аналитической философии. В частности, К. Поппер писал о «частичной социальной инженерии» как задаче гуманитарных наук [8, с. 257]. Ее он противопоставлял проектам глобального переустройства мира в духе К. Маркса. Если отказаться от метафизических рассуждений о движущих силах развития общества и т. п. и сосредоточиться на выявлении конкретных регулярных связей между социальными явлениями, это может вылиться в формулировку конкретных практически полезных рекомендаций. Именно так техническая инженерия соотносится с естественнонаучным знанием.

Противоположную позицию занимают представители антинатуралистической линии. Она начала формироваться тоже еще в XIX в. В. Дильтей доказывал принципиальные отличия «наук о духе». Их методом является не объяснение, а понимание. Если в науках о природе центральным понятием является понятие причины, то в гуманитарном познании – цель, ценность и значение. В работах Дильтея нет прямой критики технологической модели познания, но его трактовка природы и специфики наук о человеке делает применение в них этой модели нереальным. Ведь именно выявление причин тех или иных явлений делает возможным практическое манипулирование ими. А Дильтей настаивал на том, что в человеческих действиях, в историческом процессе нет причинности в естественнонаучном смысле [9, с. 138]. «Вчувствование» в чужую внутреннюю жизнь, которое он считал способом познания в науках о духе, конечно, может помочь понять и предсказать действия другого, но вовсе не в смысле общезначимой технологии. Тем более что Дильтей считал, что способность к пониманию основана скорее на личной гениальности, чем на общезначимых формулах.

Резкое противопоставление гуманитарных и естественных наук характерно и для других антинатуралистических течений. Его можно найти в герменевтической философии Х.-Г. Гадамера. Здесь противопоставление также связано с технологической установкой естествознания, которая невозможна, по мнению Гадамера, в науках о человеке. Некоторые идеи герменевтической философии помогают глубже понять специфику субъектно-объектных отношений в науках о человеке, что имеет прямое отношение к вопросу о возможности технологического их применения. Я имею в виду идеи, касающиеся нашего отношения к культурной традиции.

Гадамер настаивает на том, что ее невозможно превратить в обычный внеположный нам объект познания. Мы всегда внутри нее, и не можем рассмотреть вопрос о ее воздействии на нас извне: таково наше отношение к языку, который является важнейшей составляющей культурной традиции. Сам вопрос о том, каким образом язык (как и культурная традиция вообще) влияет на наше мышление и восприятие мира, имеет трансцендентальный характер в кантовском смысле. И. Кант считал задачей трансцендентальной философии анализ всеобщих условий опыта. Он, конечно, не относил к их числу язык или культурную традицию, его трансцендентальная философия анализировала только «устройство» чистого сознания как такового. Такова парадигма классической философии вообще: разум, сознание для нее суверенны. Но неклассическая философия начинает выявлять факторы, детерминирующие деятельность нашего сознания, причем, такие, действие которых не снимается в результате нашей рефлексии над ними. Невозможно с научной достоверностью определить, какое влияние на нас оказывает наша культурная традиция, эпоха, социальная принадлежность, язык и т. д. Как писал Гадамер, невозможно осознать собственную историчность до конца. Власть истории над конечным человеческим сознанием проявляется и там, где оно отрицает собственную историчность. Мы не противопоставлены собственной исторической ситуации [10, с. 357]. Поэтому размышления на эти темы носят трансцендентальный характер.

И в этом – принципиальная специфика гуманитарного познания. То, что здесь изучается, не противостоит нам как внешний объект. Гуманитарные науки помогают нам лучше понять самих себя. Их целью не может быть практическое манипулирование. Причем технологический подход в них можно критиковать не только по этическим соображениям. Конечно, манипулирование людьми прямо противоречит категорическому императиву Канта, который запрещает использовать разумные существа в качестве средства. В этом смысле технологический подход аморален. Но существуют и гносеологические аргументы против применимости технологической модели в гуманитарных науках. Ее буквальная реализация требовала бы деления общества на две несообщающиеся части – на манипуляторов и манипулируемых. Первые на основе рационального изучения других как обычных объектов совершенствовались бы методы управления ими, а вторых нужно было бы полностью лишить доступа к знаниям о себе. Без этого у них оставалась бы принципиальная возможность усваивать знания о самих себе и менять свое поведение. Подобное общество можно представить себе лишь в рамках самых мрачных антиутопий. Способность усваивать знания о себе – важнейшая и принципиальная особенность людей как объектов изучения. Это создает для них принципиальную возможность сопротивляться манипулированию, в том числе идеологическому. И пусть огромная часть людей этой возможностью не пользуется, она у них есть.

Тот, кто хочет создать технологию поведения на основе рационального изучения людей как обычного объекта, претендует, таким образом, на роль Господа Бога в двух отношениях. Во-первых, он изымает себя из тех закономерностей, которые исследует. Например, такая ситуация возникает, если критику идеологии в духе Маркса–Мангейма трактовать как науку, которая дает причинное объяснение возникновению идеологических иллюзий. Социология знания утверждает принципиальную зависимость социальных идей от социальных интересов. Она объясняет, как возникают идеологические иллюзии. Маркс писал, что каждый класс, стремящийся к господству, пытается представить свои интересы как всеобщие [11, с. 32]. Возникает вопрос: как быть с самими разоблачителями идеологических иллюзий? Они ведь тоже должны подчиняться этому закону, а следовательно, их взгляды тоже не более чем идеология, выражающая какие-то социальные интересы. Маркс, между тем, свое учение идеологией не считал. Мангейм, кстати, справедливо видел в этом непоследовательность Маркса, который, как получается, видел социально-классовую обусловленность только у своих противников [12, с. 230–231]. При таком подходе критик идеологии действительно оказывается вне изучаемого им как незаинтересованный инопланетянин или некое высшее существо. В таком положении оказывается любой исследователь человеческого поведения, отрицающий специфику гуманитарного познания, представляющий его себе по классической естественнонаучной модели. Закон всемирного тяготения действует и на людей, но из его формулировки не вытекает никаких ограничений относительно нашей способности его познать. Закон формирования идеологических иллюзий ставит под сомнение саму нашу способность прорваться к абсолютно объективной точке зрения, преодолеть влияние на нас социально-классовых интересов. Тот, кто на это претендует, отрицает свою принадлежность к человеческому роду, претендует на божественный статус.

Во-вторых, социальный технолог выделяет себя из общества в качестве субъекта познания и манипулирования. Призыв Парето изучать людей как муравьев и атмосферные процессы был намеренно провокативно сформулирован – его автор явно бравирует своим цинизмом. Но возможно ли это? В полном смысле слова, как уже говорилось, это было бы возможно при наличии в обществе непреодолимой преграды между субъектами и объектами изучения, между манипуляторами и манипулируемыми. М. М. Бахтин называл естественные науки моноло-

гической формой знания. Субъект такого знания занимает явно привилегированное положение: он познает то, что является для него чистым объектом, ему противостоит «безгласная вещь» [13, с. 363]. Сам термин «монологический» изначально использовался Бахтиным применительно к художественной литературе. В своей знаменитой работе о Достоевском он противопоставлял «полифонический» роман Достоевского обычной монологической прозе [14]. Автор монологического романа изображает своих героев извне, он все знает о них, все их тайные мысли, как Господь Бог. (Так, Л. Толстой спокойно описывает, что думал Андрей Болконский перед смертью наедине с собой). В полифоническом романе герои описываются настолько, насколько человек вообще открыт взгляду извне. Автор такого романа ведет с ними диалог, отказываясь от своего мнимого права знать о них все как об объектах.

В таком же положении находится ученый-гуманитарий. Он не наблюдает социальную драму из зрительного зала. В социальной жизни все являются участниками, все находятся на сцене. Роль социального ученого состоит в том, что он берет на себя задачу осознания, рефлексии над тем, что происходит и в чем именно он наряду с другими участвует. При этом представления, которые имеют участники общественного процесса о себе и об обществе, тоже не находятся «по ту сторону» этого процесса. Можно вспомнить знаменитую «теорему Томаса» в социологии. То, что участники событий считают реальным, реально по своим последствиям. Еще и поэтому четкое деление на субъект и объект в науках о человеке вряд ли возможно. Описывая конкретное общество в конкретный исторический период, совершенно необходимо включить в это описание то, как представляли себе происходящие в это время события его участники. Но описывать это всегда будет человек, включенный в социальный процесс, в борьбу интересов, а не инопланетный разум или Бог. Кстати, если бы это делал инопланетный разум, то и он вряд ли был бы незаинтересованным наблюдателем. Какие-то интересы относительно земной цивилизации он бы при этом тоже имел – вряд ли единственной его целью наблюдения за землянами было бы развеять скуку или что-то подобное. На самом деле историю всегда пишут люди, находящиеся в определенной исторической ситуации, которая диктует им вопросы, задаваемые прошлому, живущие в определенной культурной традиции, которая не осознаваемым до конца образом тоже влияет на эти вопросы и т. д. Получается, что субъектом гуманитарного познания, идеально соответствующим классическому представлению о субъекте естественнонаучного познания, мог бы быть только Бог.

Кстати, неспроста только что упомянуто «классическое представление» о субъекте естествознания. Ведь то, о чем идет речь, характеризует именно классический тип научной рациональности. Начиная со второй половины XIX в., формируется, как считается, неклассический тип, в котором обязательно учитывается роль субъекта: используемые им процедуры и способы получения знания и т. п. Так что резкое противопоставление субъектно-объектных отношений в естественнонаучном и гуманитарном познании оправдано в первую очередь для классического естествознания. Тем не менее оно справедливо и для последующих стадий. Объект неклассического естествознания остается внеположным, внешним по отношению к нам.

Радикальный антинатурализм резко противопоставляет гуманитарное познание естественнонаучному. Выражением этого является традиционное для него противопоставление понимания объяснению. Объяснение – это подведение под общий закон. Мы понимаем человеческие действия, даже не будучи способны подвести их под какой-то общий закон. Например, если историк пишет, что Марк Антоний задержался в Египте из-за любви к Клеопатре, он вовсе не ссылается (даже имплицитно) на некий общий закон поведения

влюбленных. Такой закон было бы легко фальсифицировать. Однако действия Марка Антония нам, тем не менее, понятны. Объяснение кажется представителям радикального антинатурализма прелюдией к технологическому манипулированию, поэтому гуманитарное познание не должно стремиться к этому. Задачи герменевтических дисциплин иные – расширение области взаимопонимания, поддержание связи с культурной традицией, достижение согласия относительно целей и ценностей. Человек нам вообще дан либо как коммуникативный партнер, либо как объект объяснения. Объясняя его поведение извне на основе какого-либо общего закона, мы выходим из диалога и становимся в позу того, кто знает больше. Это и есть монологическое познание, по терминологии Бахтина. Пока мы спорим с кем-то, например, о политике, мы принимаем его взгляды всерьез как возможную истину, но когда начинаем объяснять его взгляды, например, по методу Маркса–Мангейма как функцию его социального положения, диалог прекращается. Фраза «ты говоришь так, потому что...» устанавливает иерархию субъекта и объекта объяснения. На этом основании объяснение естественнонаучного типа исключается из числа способов гуманитарного познания. Но возможны и менее радикальные варианты антинатурализма.

Представители так называемой «критической герменевтики» К.-О. Апель и Ю. Хабермас предложили модель критических социальных наук. Эти науки используют объяснительные методы, но в герменевтическом контексте. Их цель – не технологическое манипулирование, а углубление человеческого самопонимания, провоцирование саморефлексии [15, р. 468–469]. При такой трактовке социология знания – это не наука, а герменевтика. В ней, конечно, используются объяснения естественнонаучного типа. Как уже говорилось, дается, например, причинное объяснение возникновения идеологических иллюзий, но целью является неразоблачение других. Для этого субъект должен был бы занять социально необусловленную объективную позицию (а кто на это способен?). Цель социологии знания как критической социальной науки – помочь нам всем лучше понять самих себя. Она ориентирует нас, в частности на то, чтобы все время держать в фокусе внимания возможную собственную идеологичность. Точно так же Хабермас трактует и цели психоанализа [16, р. 214–245]. В нем тоже дается причинное объяснение неврозов – объяснение вполне естественнонаучного типа. В ходе анализа психоаналитик действительно выходит из режима диалога и дает внешнее объяснение внутренних конфликтов пациента. Но цель такого объяснения – не технология, не манипулирование. Психоаналитик должен вернуть знание о вытесненном пациенту, чтобы помочь ему понять лучше самого себя. Причем, речь все время идет о таких связях внутри человеческой психики, от которых не свободен и сам аналитик.

То есть в модели критических социальных наук мы тоже не выходим в результате выполненного исследования на технологические рецепты, хотя здесь явно используются объяснительные методы, аналогичные естественнонаучным. Но цель – не объяснить других, а лучше понять самих себя. Такова вообще цель гуманитарных дисциплин – наук о человеке. Конечно, познание человека и общества может строиться и по откровенно естественнонаучной модели, когда объяснение нацелено именно на технологию, но такое знание не является гуманитарным. Такой статус имеют многие концепции в экономической науке, правда, скорее те, которые касаются динамики цен и производительности труда, а не, скажем, потребительского поведения. В последнем случае работают ограничения, связанные с невозможностью разделить общество на две несообщающиеся части. На эту модель может ориентироваться инженерная психология, при этом по отношению к ней справедливы те же оговорки. Претензии на абсолютное разграничение субъектов и объектов изучения в таких науках не могут быть оправда-

ны. А без этого технологичность такого познания остается относительной, не полностью соответствующей естественнонаучному идеалу. Специфика гуманитарных дисциплин связана не с их предметом. Человека можно вполне изучать естественнонаучными методами. Знание о человеке можно делить на гуманитарное и негуманитарное по цели. Ориентация на технологическую модель знания выдает не-гуманитарный подход в науках о человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 63–550.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат, 1969.
5. Конт О. Курс положительной философии: в 6 т. Т. 1. СПб.: Книжный магазин т-ва «Посредник», 1900.
6. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
7. Скиннер Б. Технология поведения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 30–46.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.
9. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопр. философии. 1988. № 4. С. 135–152.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955.
12. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
14. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979.
15. Apel K.-O. Types of social science in the light of human interests of knowledge // Social Research. 1977. Vol. 44, No. 3. P. 425–470.
16. Habermas J. Knowledge and Human Interests. London: Heinemann, 1972.

V. I. Medvedev, A. E. Nazirov
State Marine Technical University

TECHNOLOGICAL MODEL OF KNOWLEDGE IN HUMAN SCIENCES

Since the industrial revolution of XVIII century knowledge begins to be appreciated mainly for its practical utility. Technological model of knowledge becomes dominant in natural sciences and extends to humanities. Supporters of naturalistic position insist that our knowledge about people and society should lead to enhanced management practices. The article proves that the specific character of subject-object relations in human sciences makes it impossible to realize technological model of knowledge in them. This realization would presume dividing the society into two separate parts. One of these parts would study the other and would improve methods of manipulating it. And the other part would be deprived of access to knowledge about itself. Human and social sciences do not study outer object external to us; he goal of humanitarian knowledge is not to explain others but to understand ourselves better.

Technological model of knowledge, humanitarian knowledge, naturalism and anti-naturalism, subject-object relations
